

АНТРОПОЛОГИЯ

А. К. Байбурин

«НЕЛЬЗЯ... НО ЕСЛИ ОЧЕНЬ НУЖНО...»

(к интерпретации способов нарушения правил и запретов)

В этих заметках речь пойдет об истолковании некоторых распространенных в повседневной жизни способов избегания нежелательных последствий нарушения ряда конкретных правил или запретов, предписанных традицией.

Нас будут интересовать несколько вопросов: во-первых, что скрывается за конкретными мотивировками (то есть каков ритуально-мифологический подтекст той или иной мотивировки), во-вторых, как конструируется «обходной маневр» и, в третьих, — существуют ли общие принципы построения подобного рода правил.

I

В том случае, если, отправившись в путь, пришлось вернуться, следует посмотреть на себя в зеркало (после чего можно снова отправиться в путь).

В основе этой ситуации лежит запрет возвращаться, мотивируемый тем, что «не будет пути» тому человеку, который по той или иной причине вынужден вернуться в исходную точку, не достигнув конечной. Это представление, в свою очередь, базируется на более общем запрете повторять (совершать дважды какое-либо действие). Традиционные правила запрещают, например, допекать вынутый из печи хлеб, начинать другой кусок, не доев первого, и т. д. Ср. из практики карпатских овцеводов: «Нельзя больше одного раза спрашивать “Чи мирно худоба”, то есть не случилось ли что-нибудь со скотом. <...> Считают, что переспрашиванием можно навлечь беду» (Дзендзелевский 1984: 271).

Точнее, речь должна идти не о запрете всякого повторения, а о нежелательности *второй попытки* в том случае, если с первого раза цель не достигнута. Негативные ассоциации, связанные со второй попыткой, объясняются отрицательной семантикой числа два, второго, двойности в народных верованиях. Ср.: «Не дай Бог дважды креститься, дважды жениться, дважды помирать». С повтором и числом два устой-

чиво связаны представления о втором, другом, нечеловеческом, опасном и неопределенном состоянии (как правило, запреты второй попытки мотивируются тем, что «придется дважды умирать»).

Единичное, неповторяющееся действие считается необходимым условием борьбы с нечистой силой (все головы чудовища должны быть отсечены одним ударом). Второй удар может привести к оживлению (Абрамян 1988: 153). Показательны запреты, неисполнение которых грозит смертью: нельзя мести пол двумя вениками; двоим макать вместе хлеб в одну солонку; крестить сразу двух детей в одной купели (один из этой пары умрет) и т. п. (Смирнов 1920: 3).

Удачной может быть либо первая, либо третья попытка. В том случае, если первая попытка оказалась неудачной, расчет делается на третью попытку («Бог троицу любит», «Бог нечетку любит»; ср. третью попытку героя в волшебной сказке, а также три попытки в некоторых видах спортивных состязаний). Вторую попытку в таких случаях лучше не предпринимать, а *имитировать*. Можно предположить, что именно в этой связи в контексте неудавшейся попытки появляется *зеркало*.

В традиционных представлениях зеркало отчетливо связано с идеей *удвоения* (Толстая 1994: 111–129). Практически повсеместно существует обычай завешивать (выносить, отворачивать к стене) зеркало сразу же после смерти. Считалось, что, если этого не сделать, смерть может «удвоиться» (умрет тот, кто первым увидит себя в зеркале). Младенца (в возрасте до одного года) запрещалось подносить к зеркалу по той причине, что мать снова забеременеет, и т. п.

В предписании заглянуть в зеркало можно предположить имитацию повторной попытки. В таком случае ее можно считать *уже совершенной*, и человек отправляется в путь не во второй, а в *третий раз* с надеждой на удачу, сопутствующую третьей попытке.

Нельзя одалживать или дарить острые предметы (нож, булавку, иглу и др.). Можно, если при вручении слегка уколоть того, кому они передаются.

Острые предметы потому и нельзя дарить, что новый обладатель может уколоться (или пораниться). В традиционной системе представлений вещь неотделима от владельца. Поэтому несчастье будет связываться не столько с самим предметом, сколько с ее владельцем (это он уколол или порезал). Характерно, что данный запрет чаще всего мотивируется тем, что произойдет *ссора* между бывшим и будущим обладателем. Слегка уколов того, кому передается опасный предмет, его владелец символически *совершает* то, что может произойти. Тем самым последствия нарушения запрета уже проявлены. Вместе с тем символический укол не предполагает ссоры. Ситуация исчерпана (нежелательные варианты ее развития проиграны).

Когда передаешь соль, следует рассмеяться, иначе — поссорисься.

Соль в традиционных представлениях является многозначным символом (ср. хотя бы те значения, о которых речь пойдет ниже). Устойчивой является ассоциация соли с ссорой («просыпать соль — к ссоре»). В возникновении и поддержании такой ассоциации, вероятно, «принимали участие» ряд моментов: фонетическая близость самих слов *соль* и *ссора* (точнее, в этом случае можно, наверное, говорить о цепочке *соль* — *сор* — *ссора*); нарушение порядка в мире вещей, который автоматически влечет беспорядок в отношениях между людьми (соль в ее «культурном» виде должна занимать строго определенный объем, ограниченный солонкой); ссора как наиболее распространенная мотивировка нарушений, касающихся отношений между людьми. Можно предположить и другие основания для связи соли с ссорой, но нас интересует, почему, передавая соль, *следует рассмеяться?*

Смех в контексте ссоры может означать ее прекращение, завершение. Применительно к ситуации, о которой идет речь, засмеяться при передаче соли будет, по всей видимости, означать символическую развязку той ссоры, которая должна была последовать за нарушением запрета передавать соль.

Итак, во всех отмеченных случаях нарушение запрета совершается по общей схеме: символически совершается то, что мотивируется запретом в качестве наказания за его нарушение (неудачная вторая попытка, несчастье, ссора). Получается, что запрет можно обойти, если представить, что нарушение запрета уже состоялось и наказание за его нарушение уже свершилось. Символическими средствами изображается развязка (смех после ссоры). Когда даешь булавку и при этом слегка укальываешь ею, то все, чего можно было бояться, уже произошло — человек укололся. Последствия нарушения запрета оказываются позади. Используемый в этих случаях принцип конструирования «обходного маневра» можно назвать **символическим перфектом**, смысл которого заключается в том, что с помощью символических средств нежелательная ситуация (в том числе и наказание за нарушение запрета) изображается как уже **свершившийся факт**.

Есть основания полагать, что символический перфект широко применялся в качестве превентивной меры как при намеренном нарушении запретов и предписаний, так и в близких по смыслу ситуациях (ср.: «если кто-нибудь наступил на ногу, нужно в ответ слегка наступить этому человеку на ногу, иначе поссоришься» и т. п.). Более того, сфера использования этого принципа явно не ограничивается прескриптивными установлениями. По сути дела, на этом принципе основано изготовление так называемых *обыденных* вещей. Смысл подобных ритуалов заключался в том, чтобы в кратчайший срок представить ситуацию бедствия завершенной. Конструирование перфекта символическими средствами, по всей видимости, является одной из продуктивных моделей традиционного сознания.

II

Хлеб-соль и хлеб с солью.

Эта заметка представляет собой продолжение рассмотрения темы «Правила нарушения правил», но начать хотелось бы с формулы *хлеб да соль*.

Это выражение приводится всякий раз, когда речь заходит о символике хлеба и/или соли, русском гостеприимстве и т. п. При этом непременно подчеркивается их совместность, слитность, единство. Например: «Только взятые вместе, хлеб и соль составляют традиционный знак хлебосольства. Вместе они представляют мир в его разнообразии и целостности, в его многослойности и единстве» (Hellberg-Hirn 1990: 147). Или: «Соль настолько слилась с хлебом, что часто их рассматривали как нечто единое, неразрывное и обязательное. Недаром так широко распространились выражения *хлеб да соль, хлеб-соль...*» (Лаврентьева 1992: 45).

Разумеется, невозможно отрицать наличие большого числа контекстов, в которых хлеб и соль соединяются и образуют нечто единое (собственно хлеб с солью в одном случае и посоленный хлеб в другом). Однако формула *хлеб да соль*, как и другие, основанные на схеме *X да Y* (ср.: *щи да каша, тесло да весло, стол да скатерть* — северорусский аналог *хлеба да соли*), означает не столько слитность элементов, сколько ту соположенность, которая предполагает их отдельность.

Другими словами, выражение *хлеб да соль* нельзя заменить на *хлеб с солью*, а тем более на *соленый хлеб*. А это значит, что в первом случае есть что-то, чего нет в других. Этим *что-то*, по-видимому, являются особые правила их сочетания (то есть нормой является их раздельность, а не слитность). Как раз соединение хлеба и соли всячески регламентируется. Это подтверждают и многочисленные правила, регулирующие ритуальное и повседневное использование хлеба и соли. Они достаточно хорошо известны. Остановимся лишь на одном запрете, в котором соединение хлеба с солью дает возможность избежать сурового наказания.

«В праздник нельзя хлеб печь: это грех; а если нужно печь хлеб непременно, то нужно посолить его; тогда и греха нет» (Калинников 1916: 048; см. также: Резанова 1911: 119 и др.).

Мотивировка возможности нарушения этого запрета обычно объясняется тем, что соль в этом случае является оберегом. А. Б. Страхов по этому поводу пишет: «Присоединение соли-оберега к хлебу (ср. обычай подносить хлеб-соль) создает образ полной достаточной жизни: к “божьему дару”, хлебу, воплощению Доли и богатства... добавляется и некая гарантия неприкосновенности хлеба и того, что он символизирует» (Страхов 1991: 22). Напрашивается другое истолкование.

Выпечка хлеба, как и другие занятия с явно выраженным ритуально-мифологическим подтекстом (прядание, вязание, тканье и под.),

подчинялась временным ограничениям. В разных локальных традициях выделялся свой «хлебный день» (например, четверг или пятница). Общим был запрет на выпечку хлеба в воскресенье и в праздничные дни. Считалось, что нарушение этого запрета влечет за собой засуху (зерно в поле сгорит) или другие бедствия.

Хлеб обычно выпекался без соли, так как он предназначался не только живым, но и мертвым. Такой хлеб имел более высокий статус, чем хлеб с солью (Лаврентьева 1992: 52–53). Солить могли уже испеченный хлеб. Так делалось потому, что соленый хлеб — пища людей. Такой хлеб нельзя предлагать предкам. В поминальные (праздничные) дни и в день похорон хлеб обязательно должен быть пресным. Вообще при всякой выпечке хлебов первый хлеб предназначался предкам (показательно, что, например, в Харьковской губернии домового угощали кашей без соли). Более того, любую приготовленную (горячую) пищу можно было солить только после того, как ее паром насыщались умершие родственники. Именно поэтому соль всегда подавалась отдельно, и солить пищу (или раздавать соль) мог только хозяин.

Соль отпугивает не только нечисть, но и умерших. Показательно, что в тех случаях, когда умершие начинают приходить без приглашения (так называемые *непритомники*), их можно было отпугнуть, выстрелив в полночь в окно из ружья, заряженного освященной солью (Никифоровский 1897: 294). И наоборот, для живых соль и соленое является символом живого. «Еще дитя не родилось, а ему уже осыпают путь по порогам избы, чтобы оно появилось на свет скорее и без больших страданий матери» (Руднев 1854: 103). Солят только что родившегося ребенка («все тело родившегося ребенка осыпают мелкой толченой солью, не пропуская складок и закрытых частей тела: подмышки, промежность, позади ушей и их наружную часть, веки глаз и т. д.» — Редько, 1899: 94–95). Проведывая роженицу, обязательно приносили ей что-нибудь соленое, а отца новорожденного ребенка кормили пересоленной кашей или хлебом (см. например: Лебедев 1853: 184–185; Зеленин 1914–1916: 668, 976, 981, 1000, 1146 и др.). Во время свадьбы жениха и невесту посыпали солью (Познанский 1917: 145). На Крещение «солили» девок, закапывая их в снег. В народной медицине соль — универсальное средство против тех болезней, которые объясняли порчей.

Посолить тесто еще в квашне — значит готовить хлеб исключительно для живых. Такой хлеб не имеет отношения к «настоящему» хлебу, и на него не распространяется указанный запрет. Характерно, что в северных губерниях запрет печь хлеб в праздники обходили другим способом: например, пекли не хлеб, а пироги, то есть опять-таки «специализированную» пищу, которая предназначалась только для живых (Ср.: «По воскресеньям калитки (пироги с кашей, ягодами или творогом. — А. Б.) делали в каждом доме и угощали ими всех входящих» (Логинов 1993: 121).

Такое намеренное снижение статуса продуктов и одновременно «выведение» их из сферы действия запретов и предписаний было, судя по всему, довольно распространенным явлением. Например, в определенные промежутки времени (вечером, в праздник и в некоторых других ситуациях) запрещалось давать что-либо из дома и особенно строго следили за тем, чтобы в чужие руки не попало молоко. Мотивировалось это тем, что уменьшится удойность коровы или молоко у нее вовсе исчезнет. Если все же его давали, то предварительно солили: «...нельзя давать чужому молоко, не посолив его, а иначе или молоко уменьшится у коровы, или вовсе не будет его» (Иванов 1898: 850; ср. Никифоровский 1897: 152). Соленое молоко — другое молоко. Им нельзя воспользоваться для снижения удойности коровы. Оно может быть использовано только в качестве пищевого продукта и только для людей.

Приведу еще один пример. У болгар (как, впрочем, и у других групп славян) существовал запрет для недавно рожавшей женщины брать воду из колодца. Считалось, что в течение сорока дней после рождения ребенка она является нечистой и эта ее нечистота может привести к порче воды. При крайней необходимости она может взять воду, предварительно бросив соль в колодец, но лучше все же попросить сделать это другую женщину (Генчев 1985: 173). Обычно такие действия интерпретируются в связи с апотропеической функцией соли (Толстой 1995: 421–425). Однако приведенные выше данные позволяют включить их в общую схему нарушения запрета через специализацию объекта. Если бы запрет мотивировался только опасением испортить воду, то соль «справилась» бы с этой задачей и не понадобилось бы приведенной оговорки («и все же лучше попросить другую женщину»). Можно предположить, что «соление колодца» не просто очищало его, но и сужало сферу использования воды из такого колодца.

Любопытно, что в некоторых районах Русского Севера (Белозерье) считалось, что черти могут иметь свою соль. Но пользуются они ею точно так же, как и люди, то есть то, что они посолили, становится пригодным только для них и, соответственно, непригодным для людей. В частности, тем, что черт посолил воду, мотивируется запрет купаться после Ильина дня: «Черт с солью приехаў! Топерь, деўки, не купайтесь — черт с солью приехаў!..» (Духовная культура 1997: 157). Как видим, принцип остается прежним.

Итак, некоторые запреты можно было обойти, применив принцип намеренного снижения статуса объекта и тем самым сузив сферу его использования, сделав его пригодным только для себя. Это осуществлялось с помощью тех индикаторов, которые однозначно указывали на область своего (независимо от того, с чьей точки зрения устанавливалась эта граница). И соль, судя по приведенным данным, относилась к числу таковых.

В этих заметках рассмотрены лишь два способа нарушения запретов и предписаний. Нет сомнения, что применялись и другие. Работа в этом направлении может дать интересные результаты о статусе прескрипций, тактике и стратегии повседневного поведения.

Литература

- Абрамян 1988: *Абрамян Л. А.* Ритуальные повторы // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора: I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988.
- Генчев 1985: *Генчев Ст.* Семейни обичаи и обреди // Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Дзедзелевский 1984: *Дзедзелевский И. А.* Запреты в практике карпатских овцеводов // Славянский и балканский фольклор: (Этногенетическая общность и типологические параллели). М., 1984.
- Духовная культура 1997: *Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь.* М., 1997.
- Зеленин 1914–1916: *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914–1916. Вып. 1–3 (продолжающаяся пагинация во всех выпусках).
- Иванов 1898: *Иванов П. В.* Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Харьков, 1898.
- Калинников 1916: *Калинников И.* Народные приметы // Живая старина. 1916. Вып. 2/3.
- Лаврентьева 1992: *Лаврентьева Л. С.* Соль в обрядах и верованиях восточных славян // Сб. МАЭ. Т. 45: Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992.
- Лебедев 1853: *Лебедев Н.* Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // Этнографический сборник Императорского Русского географического общества. СПб., 1853. Вып. 1.
- Логинов 1993: *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993.
- Никифоровский 1897: *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.
- Познанский 1917: *Познанский Н.* Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917.
- Редько 1899: *Редько А.* Нечистая сила в судьбах женщины-матери // Этнографическое обозрение. 1899. № 1/2.
- Резанова 1911: *Резанова Е.* Материалы по этнографии Курской губернии // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск, 1911. Вып. 1.
- Руднев 1854: *Свящ. А. Руднев.* Село Голунь и Ново-Михайловское Тульской губ. Новосильского уезда // Этнографический сборник Им-

- ператорского Русского географического общества. СПб., 1854. Вып. 2.
- Смирнов 1920: *Смирнов Вас.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 15.
- Страхов 1991: *Страхов А. Б.* Культ хлеба у восточных славян: Опыт этнолингвистического исследования // *Slavistische Beiträge*. München, 1991. Bd 275.
- Толстая 1994: *Толстая С. М.* Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // *Славянский и балканский фольклор—94*. М., 1994.
- Толстой 1995: *Толстой Н. И.* Солёный болгарин // *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. М., 1995.
- Hellberg-Hirn 1990: *Hellberg-Hirn E.* Хлеб-соль: магическая пища // *Studia slavica finlandensia*. Helsinki, 1990. T. 7.